

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ ТУРКМЕН

Под редакцией кандидата исторических наук С. Г. Агаджанова
и кандидата исторических наук А. Оразова

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ТУРКМЕНИСТАН“
АШХАБАД — 1965

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У ТУРКМЕН МЕРВСКОГО ОАЗИСА В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в. ¹

В конце XIX в. у мургабских текинцев существовали как малые, так и большие семьи, но количество последних быстро уменьшалось. Большая семья у туркмен-текинцев не являлась, однако, настоящей патриархальной большой семьёй, присущей последней стадии патриархально-родового строя. Большая семья текинцев в изучаемый период состояла из двух-трех и более женатых сыновей, их жён и детей. Все остальные ее члены, если они имелись, являлись близкими родственниками и родственницами, не имевшими своих семей. Сюда же могли входить мать, теща главы семьи, его неженатые братья и незамужние сёстры или же женатые братья, жёны которых, по обычаю „гайтарма“¹ временно находились в отцовских домах.

Большая семья состояла из нескольких брачных пар и имела одного распорядителя — главу семьи. Все вышеперечисленные члены большой семьи имели общий котел — „ырыгы бир“ (дословно: общий котёл, общая трапеза). Общими у такой семьи были орудия и средства производства, в том числе земля и вода — основные источники средств существования. Всем распоряжался глава семьи. Личная власть и права главы большой семьи распространялись на всех её членов, в том числе на женатых мужчин и на их детей и жён.

¹ Гайтарма — возвращение молодой невестки в отцовский дом до полной уплаты калыма.

В результате этого мужчины — члены большой семьи, не являвшиеся главой данной семьи, не имели права не только на свою долю земли и воды (сув), но и не имели права распоряжаться судьбою своих детей. Их сыновей женил, а дочерей выдавал замуж лишь глава данной большой семьи. Однако к началу XX в., как показал анкетный опрос, проведенный автором, большая семья почти исчезла.

Состав малой семьи отличался от состава большой семьи. Малая семья состояла в основном из родителей и их детей. Сюда же могли входить мать, теща главы семьи, его неженатые братья и незамужние сёстры. В малой семье иногда её главой была вдова, чего не наблюдалось в большой семье. Если такая вдова имела малолетнего сына, то она являлась главой семьи временно, с истечением времени главой семьи становился её сын. В малой семье главой семьи иногда являлся и неженатый взрослый мужчина (бой), чего не наблюдалось в большой семье. Власть главы малой семьи, так же как и большой, была неограниченной.

Во второй половине XIX в. шёл интенсивный процесс дробления больших семей на малые (айрылышма). В основе этого процесса лежал раздел имущества отца после его смерти между взрослыми женатыми сыновьями и другими наследниками. Мать, если она была жива, переходила по обычаю на иждивение младшего сына. Во многих же случаях „айрылышма“ осуществлялась только после смерти обоих родителей. Наряду с айрылышма практиковался в XIX в. и обычай так называемого „огул айырма“ — отделение взрослого женатого сына от отцовского хозяйства.

Как совершенно правильно подмечает М. О. Косвен, в большой семье с развитием частной собственности назревают глубокие противоречия, которые „разрешаются в конце концов её распадом, выделом отдельных малых семей или полным разделом большой семьи, вместе с разделом всего имущества. Малая семья взрывает большую, становится на её место основной хозяйственной и общественной ячейкой“¹.

Однако отдельные семьи, несмотря на формальный

¹ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры, М., 1953, стр. 187.

раздел, сохраняли крепкие связи. Они образовывали патронимию, которая особенно чётко прослеживается в земельно-водных отношениях, в характере расселения близкородственными группами. Патронимия (левере) играла немаловажную роль и в семейно-брачных отношениях туркмен-текинцев.

В далёком прошлом разделение труда в семьях туркмен между полами и их трудовая деятельность не были сильно разграничены. Туркменские женщины, особенно девушки, принимали участие почти наравне с мужчиной и в хозяйственных работах. В ряде случаев женщины участвовали в военных действиях, главным образом в защите своих аулов от вражеских нападений¹. Однако в конце XIX — начале XX в. существовало уже чёткое разграничение сферы трудовой деятельности мужчин и женщин. Нарушение традиционного распределения между ними труда считалось стыдом и позором. Это разделение труда между мужчиной и женщиной освящалось мусульманской религией. Выполнение мужчиной работы, обычно исполняемой женщиной, считалось унижительным. Выполнение женщинами мужской работы считалось, в свою очередь, бесстыдством (хаясызлык). Всё это переплеталось с различного рода суевериями. По этому поводу существовал целый ряд поверий. Например, если мужчина будет печь хлеб, то он станет бобылём (мужеррет). Поэтому мужчина в случае болезни жены носил муку к соседкам или близким родственницам, чтобы они пекли хлеб. Если женщина будет молотить верхом на коне зерно на току, то, по поверью, наступит конец света (хелей ата чикса..., ахыр замана болар) и т. п.

В начале XX в. разделение труда между членами семьи было следующим. Мужчины были заняты в сельском хозяйстве, в том числе в скотоводстве. На их долю приходились пахота и посев, поливные работы, очистка канав, выращивание и сбор урожая, забота о хранении зерна и очистка его от пыли (элебек), помол зерна на большой (водяной или паровой) мельнице. Мужчины ведали также продажей сельскохозяйственной продукции. На долю мужчин приходился так-

же уход за скотом, за исключением доения и обработки продукции животноводства.

В области домашнего ремесла и промысла на долю мужчин приходилось кузнечное дело, изготовление остовов юрты, обработка кожи, шитьё мужских шапок из бараньей шкуры, столярное дело, сапожничество, скручивание веревки из шерсти, плетение циновок (за исключением циновок для юрты — ой гамшы).

Мужчина занимался постройкой всякого рода жилых и хозяйственных помещений: шалашей, землянок, земляного очага (ер ожак), навеса (телар), заготовкой дров и т. п. Установка юрты являлась женским делом.

Женщины, как и мужчины, были заняты в сельском хозяйстве; помогали мужчинам при посеве и сборе урожая¹. На их долю приходился помол зерна на ручной мельнице; обработка хлопка-сырца при помощи „джин“ (жын) или руками; сбор, сушка и хранение фруктов, сушка дынь (как), приготовление арбузного мёда (тошар) и т. д. Женщины доили скот и приготавливали различные молочные продукты, обрабатывали шерсть. В их обязанности входило кормление и уход за домашними животными, за исключением лошадей, рабочих быков и верблюдов.

Женским домашним ремеслом считалось ткачество, в том числе ковроткачество, кошовальное, приготовление из ткани различных видов мешков и сумок, имевших различное назначение; вязание, плетение веревки из ниток, изготовление женских шапок, кройка, шитьё и вышивка одежды, шитьё и аппликации попоны для коня, плетение циновок для юрты (ой гамшы), шитьё постельных принадлежностей и т. д. Основная тяжесть ведения домашнего хозяйства лежала на плечах женщин. В их обязанности входило хранение пищевых продуктов и приготовление пищи, уход за детьми, стирка белья и т. д.

В семьях, где отсутствовала женщина, работы, входившие в ее обязанности, выполнялись мужчинами. Нередко во время работ, проводившихся вдали от аула, мужчины сами готовили себе обед, кипятили чай, пекли хлеб. В семьях же, где не было мужчин,

¹ Ср. С. А. Токарев. Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 366.

¹ Сбор колосьев, оставшихся на поле после жатвы (хоша чеп-элебек) осуществлялся женщинами и детьми.

обычно нанимали мужчин-односельчан для выполнения хашарных и других работ.

Несмотря на разграничение труда между мужчиной и женщиной, всё же у туркмен-текинцев в предреволюционные годы некоторые виды сельскохозяйственных и домашних работ выполнялись представителями обоёго пола (уборка урожая хлопка, бахчевых культур, уход за домашними животными). В целом же распределение труда между женщинами и мужчинами было неравноправным и несправедливым. Оно было характерным для патриархального семейного быта, где особенно жестоко осуществлялось господство мужчины над женщиной. Женщина работала больше, чем мужчина. После окончания полевых и других работ, начинался „второй“ рабочий день женщины. Женщина готовила пищу, кормила семью, молола зерно на ручной мельнице, пекла хлеб, ухаживала за детьми. Утром она обязана была встать спозаранку, вскипятить чай, приготовить еду, а затем разбудить мужа; пока муж завтракал, она должна была подоить корову, накормить детей, заняться какой-либо другой работой. До того как начинался рабочий день мужчины женщина успевала уже сделать очень много. Однако и днём ей приходилось работать не покладая рук до прихода мужа. Поэтому женщины выражали, хотя и нередко в шуточной форме, своё недовольство несправедливым распределением обязанностей между полами.

Жатва — играть,
Молотьба — ездить,

Увы — зерно молоть тяжело, качаясь всем телом.

Система родства мургабских текинцев в XIX — начале XX в. внешне сохранила некоторые черты патриархально-родового общества, содержание которого было однако уже классовым. Ф. Энгельс пишет, что „...системы родства пассивны, лишь через долгие промежутки времени они регистрируют прогресс, протекший семьёю и претерпевают радикальные изменения лишь тогда, когда радикально изменилась семья“¹. Далее Ф. Энгельс говорит, что „...в то время, как семья

продолжает жить, системы родства окостеневают, в то же время как последняя продолжает существовать в силу привычки, семья перерастает её рамки“¹. В системе родства туркмен Мервского оазиса сохранялись пережитки патриархально-родового строя. Например, дядю по отцовской линии (брата отца) обычно звали по имени, добавляя (в обязательном порядке) слово „кака“ (папа). Этот факт, по всей вероятности, является отголоском глубокой старины.

В условиях совместной жизни в большой семье ребенок был крепко связан во всех отношениях со своими дядями, а дяди со своими племянниками по мужской линии. Поэтому дядя своего племянника (по мужской линии) называл „младшим братом“ (жиги, ини) и очень редко употреблял выражение „доганымың оглы“ (сын моего брата).

Ф. Энгельс отмечал, что „Обозначения: отец, сын и дочь, брат, сестра — отнюдь не почётные названия только, а влекут за собою вполне определённые, весьма серьёзные взаимные обязательства, совокупность составляет существенную часть общественного строя“². Туркмены-текинцы, начиная с детства, старались точно соблюдать терминологию родства. При обращении, особенно к уважаемому лицу, обязательно применяли то или иное родственное название. Например, племянника по женской линии звали по имени, прибавляя слово „еген“, а дядю по женской линии — „дайы“ или же к его имени добавляли „дайы“.

Касаясь вопроса об именах, нужно сказать, что среди мургабских текинцев официально не существовало имен, состоящих из одного слова. Встречавшиеся односложные имена были результатом естественного стремления народа к упрощению имён в произношении. Это привело к тому, что часто или отбрасывали обе части имён, называя человека совершенно по-другому, или же называли упрощенно. Например, Ильмырада (Ил+Мырат) называли „Илев“, „Илли“. Очень часто отбрасывали одну (первую или вторую) часть имени и называли человека, скажем, по имени

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1950, стр. 28.

² Там же, стр. 39.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1950, стр. 28.

Гурбанберди (Гурбан+Берди), просто Гурбаном, Агамырада (Ага+Мырат)—Мырадом. Иногда человеку давали прозвище (лакам), отражавшее его характер, физическое состояние или же его родоплеменную принадлежность, место рождения и т. д. Например, Аман+варра (горластый), Аман+кирвенке (дословно: фунт, означает „легкий“, „невесомый“), Аман+тир (спесивый), Аман+теке (козёл), Аман+теженли (тедженский) и т. п. Прозвище имело большое значение при образовании фамилии.

Полное имя, состоявшее, как правило, из двух частей, называлось лишь во время религиозных церемоний, свадьбы и во время похорон. Одна из двух частей имен всех членов отдельно взятой семьи была одинаковой, что имело также большое значение при образовании фамилии. При наречении имён, мервские туркмены-текинцы соблюдали следующую именную преемственность по родственной линии. Если, например, прадеда звали Хыдырберди (Хыдыр+Берди), то дед получал имя Хожаберди (Хожа+Берди), отец—Худайберди (Худай+Берди), сын Ашырберди (Ашыр+Берди), внук—Режепберди (Режеп+Берди) и т. д.

Иногда же повторялась только первая часть имени отца. Например, Хожаберди (Хожа+Берди)—сын Хожагулы (Хожа+Гулы). В то же время дети брата Хожаберди—Улугберди могут продолжать вторую часть этого имени. Например, сын Улугберди—Гурбанберди, внук Улугберди—Ашырберди и т. д. Существовал также обычай называть сыновей по их числу: Чары (четвёртый), Бәшим (пятый), Алты (шестой), Еди (седьмой) и т. д.

Среди туркмен-текинцев существовал и такой обычай, по которому ни первая, ни вторая часть имён родных братьев не совпадала. Но в большинстве случаев вторая часть имени одного из этих братьев совпадала со второй частью имён двоюродных братьев или же троюродных братьев. Это, вероятно, говорит об определённых традициях в родственных связях в пределах патронимий (левере).

Внутренние взаимоотношения членов семьи и их правовое положение определялись адатом и шариатом. Такое положение сохранялось как до присоединения Мерва к России, так и в колониальный период, не-

смотря на то, что царская администрация ввела наряду с адатным и гражданское судопроизводство в Закаспийской области. При определении внутренних взаимоотношений членов семьи решающее значение имело обычное право; в вопросах наследования и т. д. решающая роль принадлежала праву по мусульманскому законодательству.

В семейно-родственных отношениях важную роль играла близость по крови, особенно по мужской линии (сүңк гарындашы). Близость по крови лежала в основе самого адата, определявшего весь уклад семейного быта. Поэтому своих родственников всячески защищали, прощая им нередко дурные поступки, особенно когда виновник, „свой человек“, оказывался в тяжёлом положении.

При разборе повседневных семейных дел туркмены-текинцы отдавали предпочтение неписанному „своду“ законов адата перед шариатом. По этому поводу народная пословица гласила: „Казылашандан гарындаш болмаз! (Кто пойдёт к казы (судье) для разбора конфликта, возникшего между родственниками, тот чужой)“.

Глава семьи у туркмен Мургабского оазиса расправлялся, как говорилось выше, всем укладом жизни семьи. Однако он при этом считался с мнением своих родителей, стремясь выполнять все их желания. В связи с этим существовала поговорка: „Күмүш-гызылың көнеси болмаз, эне-атаның харасы болмаз (Серебро и золото—не устареют, родители—всегда дороги)“. В то же время глава семьи нередко избегал частых встреч со своими родителями, стремясь, чтобы они не ограничивали его власти в семье.

В решении крупных вопросов, например, при разделе имущества, земельно-водных вопросах глава семьи обычно был самостоятельным. Но в таких вопросах, как свадьба, семейные и другие празднества, похороны главную роль играли его родители, особенно мать.

Перед уходом на рынок, глава семьи обычно спрашивал мать, что ей купить. После возвращения переметную сумку (хоржун) отдавал в её руки. В первые годы после женитьбы он обращался с просьбой к матери, чтобы она приготовила всё, что ему необхо-

димо, тем самым подчёркивая что во „внутренних“ делах она является полноправной хозяйкой.

Нередко глава семьи жену называл по её родоплеменной принадлежности. В большинстве же случаев он обращался к ней, восклицая „хэй!“ (эй!). При разговоре с другими о своей жене, муж называл её „өйдәкимиз“ (наша домашняя), „кейванымыз“ (наша домохозяйка), „огланларын эжеси“ (мать детей). Он избегал встреч с ней (особенно в молодые годы) на людях, при посторонних и при матери, а также стеснялся взглянуть на неё при людях, боясь упрека в том, что он уделяет большое внимание своей жене, что считалось неприличным. Он не ел с ней из одной тарелки и не сидел вместе. Всё его поведение сводилось к тому, чтобы она не привыкала к нему (өвреншидирмезлик) и чувствовала его власть. Поэтому он бил её чуть ли не с первой встречи, соблюдая обычай „хелейи—башдан“ (жену надо приучать к покорности с первого же дня). Муж избивал жену, когда хотел, даже при гостях. Жена не смела поднять головы в сторону мужа (йүзи ашак болмалы) и должна была угадывать все его желания. Муж считал „унижением“ сидеть в её половине (дул) юрты. Если она лежала тяжело больная, безнадёжная, то он не мог находиться около нее, а сидел отдельно один, или же с мужчинами, стремясь утаить своё горе от других. Перед смертью жены его вызывала мать или кто-либо из женщин для прощания (разылашма). Подойдя к ней, он говорил „разы бол“ (оставайся довольной, не обижайся, забудь все обиды, причинённые мной), а после смерти даже не сопровождал жену в последний путь. Во время родов он обычно уезжал возможно дальше, даже оставался где-нибудь на ночлег (ятымлык) для того, чтобы „облегчить“ роды.

На первого ребёнка, в младенческом возрасте, глава семьи не обращал никакого внимания. Последующих сыновей (особенно после второго) он не стеснялся называть по имени или говорить „мой сын“ (оглум) и даже брал их на руки. Когда сын начинал ходить, бегать, тем более, когда к этому времени появлялся второй ребенок, он начинал уделять внимание детям, не стесняясь упреков со стороны в том, что помогает жене. Кушал с ними вместе, а когда им исполнялось

5—8 лет, брал с собой на базар, где покупал им сладости и т. д.

Однако во время торжественных церемоний, свадеб, празднеств и жертвоприношений (худаёлы) он избегал своих сыновей и находился среди взрослых. Когда сын становился юношей, отец стремился быть с ним более официальным, старался не разговаривать с ним, если не было особой необходимости. Отец держался строго при сыновьях, давая тем самым им почувствовать свою власть¹. В то же время он стремился показать, что они уже взрослые: кушал вместе с ними из одного „чанака“ (тарелки), в летнее время спал с ними на улице и т. д. Сын повинился отцу беспрекословно. Даже отделение сына от отцовского хозяйства окончательно не освобождало его от влияния отца, несмотря на то, что он становился независимым в экономическом отношении. При сватанье дочери такого „освобождённого“ сына, сваты приходили не к отцу девушки, а к её деду. Последний в свою очередь или давал согласие, или же отказывался породниться, не спрашивая согласия своего сына. При женитьбе своего внука, он поступал таким же образом. Отголоски такого бесправного положения сына, отделенного от отцовского хозяйства, часто наблюдались и в первые годы Советской власти.

К своим неженатым братьям глава семьи относился так же, как и к своим взрослым сыновьям. Называл их по имени, а также „жиги“, „ини“ (младший брат).

К дочерям отец относился хуже, чем к сыновьям, но называл их так же, как своих сыновей, по имени. Зачастую отец ласкательно называл дочерей „кейгим“, (джейран), но, как правило, мало уделял им внимания. Отец обычно не торговался со сватами о величине калыма за дочь, хотя его мнение, обычно передаваемое через посредника-старика, играло решающую роль. При покупке для неё украшения, обуви, так называемых „шай-сеп“ (приданого) принимал в этом ак-

¹ В воспитании детей туркмены-текинцы придерживались принципа „огланы яшдан“ (приучи детей к покорности с детства). Детей за провинности часто наказывали побоями. Но после того, как они становились взрослыми, считалось неудобным часто применять телесные наказания.

тивное участие. Во время выдачи дочери замуж (в день свадьбы) отец предпочитал уехать куда-нибудь, а после свадьбы долгое время не ездил к ней, за исключением поминок (пата).

К незамужней сестре глава семьи относился так же, как и к своей взрослой дочери и называл её по имени, а также „жиги“, „уя“ (младшая сестра). Исключением являлось то, что ей он делал сравнительно больше поблажек, принимал активное участие в её свадьбе.

Мать главы семьи пользовалась большим весом в семье, но её власть в основном распространялась на женщин и детей. Главу семьи она называла по имени, добавляя „байры оглум“¹ (мой избранный, глава, властитель, сын). Она не просила сына, а требовала и упрекала его, когда считала нужным. Ругала она провинившихся вслух, при сыне. Обычно глава семьи начинал какое-либо дело, например сельскохозяйственные работы, только с благословения своей матери. Она указывала, как правило, при этом на „удачный“ (сэхетли) или „неудачный“ (бисэхет) день.

В первые годы свекровь называла молодую невестку по имени, добавляя слово „гелин“. Она спрашивала невестку, но ответ от неё получала через третье лицо (обычно через младших членов семьи). От невестки свекровь требовала строгого исполнения обычая „яшынмак“ (прикрывать краем платка рот)². В том случае, если „гелин“ пререкалась, свекровь предавала гласности её „недостойное“ поведение. Обычно при этом приводилась пословица: „Булутдан чыкан — гүн якар, яшмакдан чыкан-дил якар“ (дословно: жжет то солнце, которое вышло из-за облаков, и тот язык, который вышел из-под сброшенного яшмака). Однако с течением времени, обычно после рождения двух-трех детей, свекровь называла невестку просто по имени и разре-

шала ей разговаривать с собой. Она обращалась к невестке не с просьбой, а требовала от неё выполнения своих распоряжений. Невестка должна была ухаживать за всеми членами семьи, особенно за мужем, свёкром, детьми и т. д. Свекровь вмешивалась даже в такие интимные дела, как обрядовое омовение. Свекровь следила за тем, как невестка ходит (быстро или медленно), как она разговаривает (звонко или тихо), следила за её мимикой (поднимает ли она при людях веки или же смотрит вниз) и т. д.

Положение жены (невестки) в семье было очень тяжёлым. Она считалась неполноправным членом семьи, не имела права называть мужа по имени, а обращалась к нему: „какасы“ (отец такого-то). В других случаях жена обращалась к нему, называя имя его младшей или старшей сестры, добавляя слово „агасы“ (старший брат или младший брат). На людях называла его так же. Иногда звала мужа просто „адамым“ (дословно: мой человек). Другие называли мужа при ней „адамың“ (дословно: твой человек), а иногда — шуточно „ясыкдашың“ (дословно: твой одноподушечный). В старости жена называла мужа, обычно при других, когда шла речь о нём — „меламат“ (лишний, тяжёлый груз). Жена нередко высказывалась по отношению к мужу оскорбительно (противный, отвратительный, презренный, скряга). Такое оскорбление женой своего мужа не удивляло никого, так как она почти всегда имела основание быть обиженной на своего мужа. Иногда муж в таких случаях говорил: „Аялын урдыгы — хуайын бердиги (Если женщина ругается, это значит, что бог благословляет мужчину)“. Мужчина никогда не ожидал серьёзного протеста со стороны своей жены.

Замужняя женщина чувствовала себя в семье прижатой затворницей, на избиение смотрела как на обычное, естественное явление. Существовало пропагандируемое духовенством поверье, по которому, якобы, огонь ада не тронет те места тела женщины, куда попадала палка её мужа („эриң таягының деген ерине довзаш оды дегмез“). Жена всегда стремилась скрывать от мужа своё настоящее чувство. Невестка не называла свою свекровь по имени, а после рождения ребенка, обращаясь к ней, произносила имя своего

¹ Так называла она обычно старшего сына.

² Продолжительность обычая „яшынмак“ зависела в основном от следующих обстоятельств: если свекровь любила её от души и ей хотелось с ней общаться без участия третьего лица, или же если часто отсутствовало третье лицо в данной семье, то свекровь стремилась, чтобы „гелин“ открыла рот возможно быстрее. Если она не любила свою невестку или считала её дерзкой, то долго не разрешала ей разговаривать с собой.

ребенка, добавляя слово „энеси“ (бабушка). Невестка зачастую презрительно относилась к своей свекрови, протестуя против её несправедливого отношения к себе.

Особенно почтительно гелин должна была относиться к золовкам, в частности, к „гыйын экежи“ (золовка, которая по возрасту старше её мужа). По отношению к ней невестка соблюдала обычай яшынмак, но и перед ней снимала яшмак раньше, чем перед свекровью.

В туркменском обществе XIX—начала XX в. униженное положение женщины узаконивалось и усугублялось калымом, что позволяло мужу распоряжаться по своему усмотрению купленным им „товаром“. Это нашло своё отражение и в старой пословице: „Эре бердин—элини чек! (После того как отдал замуж—руки прочь!)“.

Положение туркменской женщины в семье по обычному праву было чрезвычайно тяжёлым. По адату родные не имели права вмешиваться в жизнь замужней дочери. Отсюда возникла поговорка: „Гызыл йүзли йигидин, гыз доганы болмасын (Пусть не будет сестры у прекрасного джигита)“.

Женщина должна была говорить очень тихо, чтобы её голос не был слышен за стенкой юрты. Нарушавшую это правило называли „довзахы“ (женщина, предназначенная для ада). Глаза её почти всегда были опущенными, чтобы её взгляд случайно не упал на чужого мужчину (нәмәхрем), иначе её тоже называли „довзохы“. Мужчина считал унижением для себя ходить куда-либо с женой. Если в этом была необходимость, женщина шла позади мужчины. Она должна была всегда первой поклониться встречному знакомому мужчине. Женщине запрещали браться за уздечку коня. Поэтому при переездах, когда отправлялись в дальний аул в гости и когда отсутствовал взрослый мужчина, в седло сажали сначала мальчика, который держал уздечку, а позади него садилась женщина.

Женщина не имела права, иногда до самой старости, разговаривать (агыз ачмак) со старшими в своей семье. Каждое утро она обязана была их приветствовать низким поклоном (баш эгме). Ей не разрешалось разговаривать со старшими из аула мужа (гайын оба). Старшинство определялось по возрасту мужа. Так,

если женщине было двадцать лет, а её мужу пятнадцать (таких супружеских пар было немало), то уже шестнадцатилетние юноши из аула мужа считались старше её, и она не могла с ними разговаривать.

Женщина не имела права подавать руки во время приветствия. Младшая (по возрасту мужа) низко склонялась перед старшей, а та, произнося „аманмы“, хлопала её обеими руками по плечам. Если у встретившихся мужья были ровесники, то обе хлопали друг друга по плечам и обе говорили: „Саламәлик“.

Гость, который был моложе мужа хозяйки, произнося „саламалейким“, подавал ей правый рукав, спрятав кисть руки. Женщина, сказав „аманмы“, хлопала обеими руками по рукаву. Мужчина отвечал ей: „Шүкүр“ (доволен) или „Шүкүр худая“ (доволен волею бога). Если гость был старше её мужа, женщина издала кивала ему головой, опустив глаза. Гость говорил ей: „Аманмы“. Она не отвечала и тут же уходила.

Женщинам и девушкам не разрешалось подавать угощение гостям-мужчинам, но они обязаны были его приготовить. С наступлением сумерек женщина обязана была закрыть „түйнүк“ (верхнее отверстие юрты) до рассвета (сәхер, даң).

После смерти мужа женщину заставляли стать женой его брата (левират), даже если он уже имел жену или ещё не достиг совершеннолетия. В таких случаях родителям вдовы платили калым. Если вдова хотела вернуться к своим родителям, то она должна была навсегда расстаться со своими детьми. Ей не позволялось взять с собой даже грудного ребёнка. В таком случае она не имела права больше показываться в доме умершего мужа. Пословица гласит: „Бир эре гиден гөрүнмез, бир-де гөре гиден (Больше не покажутся вышедшая замуж и ушедший в могилу)“.

Добиться возвращения к родителям удавалось только дочерям сильных левере. Большинство же на всю жизнь оставалось в доме родителей мужа. Иное положение было у мужчины, если у него умирала жена. Мужчина стремился немедленно жениться вновь, так как по поверью не женившийся до 40 дней со дня смерти жены (кыркы) может на всю жизнь остаться вдовцом.

Следует, однако, оговориться, что строгое соблюдение всяких запретов, законов адата и шариата, утверждавших приниженное положение женщин в прошлом, неуклонно проводилось, главным образом, в зажиточных и богатых семьях. Надменные баи и ханы брали жён для забавы и наживы на их труде. Среди трудового народа чаще можно было встретить более человеческое отношение к женщине. Задавленная нуждой семья общими усилиями стремилась выйти из тяжёлого экономического положения.

Находившиеся под гнѐтом эксплуататоров, унижаемые в своём человеческом достоинстве, бедняки естественно искали моральную поддержку в семье. Бедняк видел в своей жене верную помощницу в его тяжёлой борьбе с нуждой. По этому поводу говорили: „Экленип билмесек, аял ал (Если не сможешь прокормиться, то женись)“. В народе жило много пословиц, отмечавших достоинство женщин: „Ягшы аял арпа наньны кебаб эдер (Хорошая жена ячменный хлеб способна превратить в шашлык)“ или „Ягшы аял бирини ики эдер (Хорошая женщина из одной вещи две делает)“.

Народ прославлял мать и жену: „Болдуран хем аял, гүлдүрен хем аял (И родившая всех—женщина, и обрадовавшая—женщина)“.

Положение женщины при многожѐнстве было, однако, гораздо тяжелее. При многожѐнстве все жѐны одного мужа называли друг друга „гүни“¹, а детей таких „гүни“ называли „өвей“ (чужой, не свой, не родной), а дети в свою очередь называли „соперницу“ своей матери так же өвей. При этом по отношению к детям говорили: „өвей гыз“ (падчерица), „өвей оглан“ (пасынок), а по отношению матери—„өвей эне“ (мачеха). Взаимоотношения жѐн, как правило, были враждебными.

¹ Происхождение слова „гүни“ точно нам не известно. Но, однако, под гүни подразумевается тяжёлая жизнь (агыр гүн). Когда кто-либо попадал в тяжёлое положение, то о нём говорили „панынын дат гүнүне“, что означало, что у того безвыходное положение. Так как гүни означало одну из жѐн при многожѐнстве, то можно предполагать, что происхождение этого термина связано с „дат гүнүне“.

При многожѐнстве фактически не соблюдалось в сущности формальное требование шариата, чтобы муж относился одинаково ко всем жѐнам. У большинства многожѐнцев имелись „байры хелей“ (старшая, почётная жена) и „яш хелей“ (молодая, любимая жена). Нередко богатые мужья устанавливали для своих жѐн одинаковые юрты, покупали одинаковые сундуки, шкафы, одежду. Одна из жѐн, как правило, байры хелей распоряжалась хозяйством. Она диктовала свою волю другим жѐнам-соперницам (гүни). Муж старался иногда защитить молодую жену и делал ей поблажки. К остальным жѐнам он относился обычно как к бесправной рабочей силе. В качестве жѐн туркмены-текинцы брали не только своих соплеменниц, но и женщин-рабынь, захваченных во время аламанов. Положение этой категории жѐн было невыносимо тяжёлым. Униженным было не только их положение, но и положение их детей, внуков и правнуков. Презрительное отношение к потомкам рабыни сохранялось вплоть до установления Советской власти в Туркмении.

Положение в семье сыновей было неодинаковым. Среди сыновей строго соблюдался принцип подчинения по старшинству. Особенно незавидным было положение младшего сына. Он должен был исполнять все капризы старших, в том числе братьев — поливать всем воду на руки перед едой и после еды, подавать кушанья, относить посуду и оказывать всякие другие услуги, не ропща и не протестуя. Это породило притчу о том, что увидевший всё это посторонний гость (узбек по национальности) сказал: „Түркмениң кичиги боландан—итниң кучуги бол! (Лучше быть кутѐнком, чем младшим сыном туркмена)“.

Средний сын обычно одевал то, что старший уже не носил. Специальная покупка для среднего сына была редким явлением.

Неженатых братьев наряжали поочерѐдно (по старшинству), готовя их к женитьбе. Таких сыновей-женехов называли „базар малы“ (дословно: товар, предназначенный для продажи на базаре).

Положение дочерей в семье почти не отличалось от положения сыновей, хотя и имело некоторые отличия. При выдаче замуж зачастую соблюдали очеред-

ность по старшинству. Девушек обычно в семье называли „киши машгаласы“ (чужая)¹.

В семье туркмен-текинцев самым тяжёлым было положение сирот. Наличие их в семье считалось тяжелейшим бременем для всех. Имущество сироты, полученное по наследству, согласно шариату, не принадлежало опекуну. Опекун должен был возратить его подопечному после его совершеннолетия, но богатые люди использовали наследство сирот для своей выгоды. До женитьбы сирота работал на бая бесплатно. После того, как богатч женил его, он был уже должен ему, и поэтому до самой смерти батрачил у бая со своей семьёй. Если сирота-девочка попадала в руки богача, то он старался отдать её замуж за своего бедного родственника. В таком случае муж и жена работали на богача.

Туркмены-текинцы, особенно небогатые, стремились поддержать хорошие отношения со своими соседями. Это нашло отражение и в поговорке: „Гоңшы хақы—танры хақы (Право соседа—право божье)“. Соседи избегали ссор и вражды (Айрылмаз гоңшыңа агыр сөз айытма). Если текинец резал барана, то обязательно приглашал своего соседа на обед, если устраивал празднество, то также приглашал соседа. Соседи помогали друг другу в сельскохозяйственных работах и т. п. Закономерность соседской помощи определялась и тем, что обычно соседи являлись близкими родственниками.

Женитьба сыновей и выдача замуж дочерей, как говорилось, находились всецело в руках родителей. Ими осуществлялся выбор невесты или жениха. Мнение отца было решающим. Брак был часто связан с такими тяжёлыми и унижительными обычаями, как сговор малолетних и выплата калыма. Невесту искала мать или бабушка по согласию с главой семьи. Выбор обычно продолжался долго, пока, наконец, не останавливались на подходящей невесте. Особое внимание обращалось на племенную принадлежность, так как по традиции невеста по своей племенной принадлежности должна была быть не ниже (пес), чем сами (өз деңи).

¹ В отличие от туркмен-сарыков и иомутов, текинцы не называли девушку „начар“ (беспомощной) и „есир“ (пленница).

Сватающие, как правило, её выбирали среди соплеменников из мургабских или, в крайнем случае, ахальских текинцев. Большое значение при этом придавалось происхождению невесты от „чистокровных“ (иг) или смешанных браков (гул). Как правило, старались родниться с „равными по происхождению“ семьями.

В конце XIX—начале XX в., в связи с проникновением капиталистических элементов в туркменский аул и углублением классового расслоения, особенно в предреволюционные годы, экономическое положение сторон, вступающих в брак, стало играть ещё большую роль. До присоединения мервского оазиса к России богатые люди часто вторую и третью жену покупали из числа рабынь (гырнак)¹. После же отмены работорговли и аламанов, они, соблюдая прежний принцип приобретения первой жены из богатой семьи, остальных своих жен брали обычно из бедных семей. Причиной этого являлось стремление выплатить за вторую и третью жен меньший калым, чем за первую. Кроме того, вторая и третья жёны обычно рассматривались как домашняя „рабочая сила“.

При выборе невесты имело значение и её физическое состояние. Сваты старались выбирать невесту поздоровее и помоложе: 13—14-летние считались самыми подходящими для женитьбы. Туркмены-текинцы предпочитали жениться на девушке; неженатые парни назывались „бой“ и для них считалось унижением взять в жёны вдову. Если же женились на вдове, то не устраивали обычной свадебной церемонии. Жених ехал ночью за ней со своими товарищами и привозил её, посадив сзади себя на коня. Обряд венчания происходил почти тайком. Женитьба на вдове напоминала скорее поминки, чем свадьбу. Это закреплялось религиозными предрассудками, согласно которым мужчина на том свете должен жить только с той женой, которая была девушкой, когда он женился на ней. Вышедшая замуж вдова должна, по этим поверьям, уйти на том свете к своему первому мужу, а второй муж должен остаться без жены. Поэтому мужчины (бой), женившиеся первый раз по обычаю левирата

¹ Гырнак—рабыни, которые продавались в то время на местных рынках.

(дакылма) на жене своего умершего брата, затем женились во второй раз на девушке. Было немало случаев, когда 30-летнюю вдову венчали по этому обычаю с 5—10-летним мальчиком. В таком случае она искала подходящую невесту-девушку для своего мужа и женила его. После его женитьбы она фактически пользовалась правами свекрови по отношению к его второй жене. Со временем она отделяла от себя молодоженов, поставив им новую юрту.

Интересно отметить, что в противоположность текинцам туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря предпочитали девицам молодых вдовушек вследствие их большей практичности и приспособленности для работы по хозяйству и из-за их готового приданого¹. Трудоспособность невесты являлась одним из определяющих её достоинств, на что сваты обращали особое внимание. Поэтому родители девочки старались воспитывать её, начиная с 7-летнего возраста, умению выполнять различные хозяйственные работы. В результате, к 12—13 годам, когда обычно выдавали замуж, она уже умела печь хлеб, готовить обед и становилась искусной мастерицей в ковроткачестве, кошмовалении. Родители жениха старались всё узнать об этих качествах невесты.

В конце XIX—начале XX в. в Мургабском оазисе имел распространение обычай обмена девушками между семьями. Этот обычай назывался „гарша“. Обмен невестами был экономически выгоден, так как плата за невесту была чрезмерно высока. Однако состоятельные люди избегали такого обмена из-за того, чтобы в этом случае в какой-то степени ограничивался деспотизм мужа. Если одна сторона была несправедлива по отношению к женщине, то другая могла ответить тем же. Иногда оба мужа издевались над своими жёнами. Такие враждебные взаимоотношения гуда иногда приводили к ссорам и даже трагическим последствиям.

Царский чиновник А. Ломакин писал, что по обычаю туркмен вступление в брак не обуславливается

никаким возрастом и неравенство в годах обручающихся не считается препятствием к совершению брака. Далее А. Ломакин говорит, что „у туркмен совместная супружеская жизнь обыкновенно начинается для мальчиков с 15-летнего возраста, а для девиц с 12-летнего“. А. Ломакин оговаривается, что „существует ограничение только для малолетних, выходящих замуж... Малолетние же мальчики, вступив в брак со взрослыми женщинами, берут к себе в дом жён вслед за совершением брака“¹. Обычно, брачный возраст у мургабских текинцев считался 14, 15, 16 лет.

Обычай „адаглама“—сговор малолетних—являлся одним из тяжёлых и унижительных обычаев, уродовавших семейную жизнь. Он был широко распространён в Туркмении, но среди мургабских текинцев получил менее широкое распространение, чем у жителей, скажем, юго-восточного побережья Каспия² и у туркмен-сарыков Пендинского оазиса. Сохранению обычая сговора малолетних в известной степени способствовал также порядок распределения воды и земли (никасув), согласно которому на надел земли и воды имели право только лица, состоящие в браке. Количество случаев адаглама особенно увеличилось в 1908—1917 гг. после перераспределения мюльковых земель в Мервском оазисе.

Имущие слои населения, желая приобрести больше „сув“ (долей воды), стремились женить своих детей чуть ли не со дня их рождения. Немало было и таких родителей, которые, очень нуждаясь, сговаривались отдать замуж своих грудных дочерей. Отцы обеих сторон давали согласие (отец девочки—отдать свою дочь, а отец мальчика—взять девочку), а мулла, прочитав молитву при свидетелях, благословлял их брак. После этого родители мальчика повязывали голову обрученной девочки платком, что называлось „башыны беллемек“ (дословно: отметка головы). Кроме того, на шею девочки привязывали пестрый шнурок из хлопчатобумажной ткани (алажа), что называлось „алажа дакма“.

¹ А. Джикиев. Семья и брак у туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря в XIX—XX вв. Известия АН ТССР, № 2, Ашхабад, 1958, стр. 63.

¹ А. Ломакин. Обычное право туркмен (адат). Асхабад, 1897, стр. 1 и след.

² Об этом см.: А. Джикиев. Указ. работа, стр. 65.

При совершении обряда адаглама родители девочки получали небольшую долю калыма. Остальную её часть получали постепенно с таким расчётом, чтобы половина калыма была погашена до свадьбы. Вторую половину получали после свадьбы и окончания срока пребывания невесты в доме своих родителей (гайтарма).

Обычай адаглама влёк за собой очень часто тяжёлые последствия. Родители-бедняки торопились получить калым за свою дочь и всячески ускоряли срок свадьбы; это вредно отражалось на здоровье женщин. Было немало случаев, когда рожали детей в 12—13-летнем возрасте. По словам 75-летней колхозницы Ажап эже (Марыйское производственное управление, колхоз „Ленинград“), она родила своего первого сына, когда ей едва исполнилось 12 лет.

Обычай адаглама зачастую приводил к конфликтам. В этом отношении интересен следующий, выявленный нами факт, который датируется концом XIX в. Некто Гажар Гулжар из текинского подразделения гарадаш-аяк договорился о сговоре своей дочери с сыном Ягмырбая — своего соплеменника. После этого семья жениха переселилась в Теджен, а затем в Геок-Тепе. Когда дочь Гажара (Эжегыз) достигла совершеннолетия, её отец послал своего брата в Ахал и потребовал от Ягмырбая уплаты калыма. Последний в свою очередь потребовал от родителей невесты, чтобы они доставили её в Ахал. Стороны не могли никак договориться, в результате Эжегыз продали другому человеку по имени Гуртарык. После того, как она стала матерью пятерых детей, умер её муж. Когда родственники Эжегыз собрались продать её второй раз, Ягмырбай появился в Мары и потребовал, чтобы Эжегыз отдали за его сына. Конфликт затянулся, но всё же её продали во второй раз другому человеку.

В семейно-брачных отношениях туркмен-текинцев Мургабской долины практиковался также обычай „дакылма“ (левират). Левират является пережитком эпохи первобытно-общинного строя и был связан в прошлом с традициями группового брака.

После смерти мужа вдова, по обычаям туркмен, принадлежала своим родителям, которые имели формальное право выдать её замуж вторично, но дети

оставались в первой семье. Вдова теряла на них право. Обычно в таких случаях экономические интересы родных умершего, а также интересы сирот вступали в противоречие с правами родителей вдовы. Эти противоречия часто разрешались компромиссным соглашением сторон. Немало усилий стоило родителям и родственникам умершего достичь такого соглашения. Нередко родственники покойного прибегали к угрозам и даже насилию над несчастной вдовой. После смерти мужа, уже на поминках, родственники покойного старались определить намерения родственников вдовы. Если вдова имела детей, то её родители давали знать о том, что они считают целесообразным оставить вдову со своими детьми, то есть соблюсти обычай дакылма. Если вдова не имела детей, её родители старались умолчать о её дальнейшей судьбе. Во втором случае, после 40-дневных поминок по умершему, родители вдовы приглашали её к себе в родной дом. Бывали даже случаи, когда родители, возвращаясь с поминок, брали её с собой, а потом продавали „чужим“ вторично. Но таких случаев было мало. Обычно после 40-дневных поминок родственники умершего совершали обряд дакылма. Если родственники умершего заранее выясняли, что родители вдовы не будут её беспокоить и оставят в их семье, то они совершали обряд дакылма после годовщины. После совершения дакылма (с согласия или без согласия родителей вдовы), женившийся на вдове родственник её умершего мужа платил за неё калым её родителям. Мужем 20—30-летней женщины мог стать 2—3-летний мальчик или же женатый старик с детьми. В обоих случаях после венчания супружеская пара имела общую постель.

Свадьба у мургабских туркмен-текинцев включала целый ряд обрядов и церемоний, которые строго следовали друг за другом. Началом их была посылка сватов (сөзайдыжы гитмек или савчы гитмек). Сватов обычно было двое-трое. По прибытии в дом невесты сваты отвечали на все вопросы, интересовавшие родителей девушки. Эти вопросы были аналогичны тем, которые выясняли родители будущего жениха о предполагаемой невесте перед отправлением сватов. Сваты, отвечая на вопросы, зачастую говорили неправду.

После угощения гостей родители будущей невесты говорили сватам: „Посмотрим, будем разузнавать о женихе“. После этого сторона девушки начинала расспросы о женихе и его родителях. В этом принимали участие все родственники и родственницы (илен-чалан) будущей невесты. В случае обоюдного согласия, стороны начинали договариваться о размере калыма. Для этого назначали наиболее влиятельных лиц с обеих сторон (мал кесижи). В назначенный „удачный“ день (сэхетли гүн) „мал кесижи“, собравшись в доме отца невесты, долго торговались, часто с утра до поздней ночи. Наконец устанавливался предварительный формальный (вдвое увеличенный) размер калыма. Он выражал желание родителей невесты подороже продать свою дочь. Символический первоначальный калым имел, однако, практическое значение, так как служил критерием при определении „цены“ девушки. Фактическая же „стоимость“ девушки составляла половину объявляемого после окончания торга (мал кесме) калыма. Затем родители невесты отказывались от половины калыма, что называлось „дүе йүзи“ и „гоюн йүзи“¹.

Общий размер выкупа за девушку складывался из нескольких частей: калым и „халат-серпай“ (подарок из ценных материй и халатов), „сөвүш гоюн“ (подарок натурой—баранами), „ичи-дашы“ (дословно: внутри и наружи—откупы для родственников и родственниц невесты).

Размер калыма в 60—70-х годах XIX в. был незначительным. Один из наших информаторов сообщил нам о том, что в те времена калым был равен одному мешку (санач) сушёной дыни (как) и одному мешку „сөк“—вареной дыни, смешанной с жареной пшеничной мукой, а затем высушенной („Бахамыз бир санач как билен бир санач сөк болупды“). Аналогичное сообщение мы слышали и в других аулах. Все они относились к периоду кануна присоединения Туркменистана к России. Однако впоследствии в связи с за-

¹ Дүе—верблюд, гоюн—баран, а йүзи— в данном случае, видимо, сто. Можно предположить, что родители невесты отказывались от половины калыма за приезд невесты на верблюде во время свадебного шествия, а также за угощение бараниной всех участников свадебной церемонии.

претом аламанов, а также с введением нового порядка для получения права на „сув“, по которому претендентами на получение доли воды могли быть, как мы говорили выше, состоящие (или состоявшие) в браке мужчины, размер калыма постепенно увеличивался.

Например, одна из наших информаторов, которую выдали замуж в 1902 г., рассказала нам о том, что уплаченный за неё калым составлял 200 туманов, что в переводе на рубль по его курсу в 1915 г. составляло 2000 руб. По тогдашним временам девушка „оценивалась“ во столько, сколько стоили 400 пудов пшеницы, или же 400 овец и 400 ягнят, то есть 800 голов мелкого рогатого скота (400 гузулы гоюн). Но позднее, в 1910—1913 гг., калым поднялся до 300—400 туманов. Другой информатор, 72-летний Акмамед-ага, рассказывал нам о том, что в его ауле Геокча первоначальный размер калыма до революции дошел до 40 верблюдов. Стоимость одного верблюда колебалась в то время от 10 до 20 туманов. Это значит, что фактический размер калыма был равен 200—400 туманам. Эти данные подтвердили и другие информаторы. Средний размер калыма в 1896—1900 гг., по данным В. Русинова, равнялся 496 руб., а в 1911—1915 гг. —1596 руб.¹ По мнению Я. Р. Винникова, калым у мервских туркмен постепенно увеличился до размеров, ставших с течением времени почти недоступными для беднейшей части населения². Это подтверждается и высказыванием Г. И. Карпова о том, что калым создал для бедняка и батрака заколдованный круг беспросветного существования³. Повышался калым и в связи с повышением цен на хлопок⁴. Кроме того, „стоимость“ невесты зависела от её качеств и происхождения, о чём мы говорили выше. Самой „дорогой“

¹ В. В. Русинов. Водно-земельные отношения и община у туркмен. Труды Туркестанского статистическо-экономического общества, вып. 1, Ташкент, 1918, стр. 26.

² Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР. Среднеазиатский этнографический сборник, 1, М., 1954, стр. 11.

³ Г. И. Карпов. Калым и его социальные корни. „Туркменоведение“, Ашхабад, 1930, № 2—3, стр. 29.

⁴ По данным В. В. Русинова, цена хлопка возросла с 2 руб. за пуд в 1896 г. до 4 руб. 50 коп. в 1911 г. См.: В. В. Русинов. Указ. работа, стр. 26.

невестой считалась дочь богача из „чистокровных“ (иг). Причём, если её отдавали замуж за неженатого сына богача или равного по происхождению (иг), то формальная стоимость калыма в предреволюционные годы достигала 400—800 туманов. Если жених был гул, а невеста—иг, то она стоила ещё дороже. Жених, ранее состоявший в сговоре адаглама, но невеста которого умерла (такого жениха называли „телпеги аган“), платил за новую жену ещё дороже. Если жених был вдовец, то „цена“ невесты была ещё большая. Самой „дешевой“ для жениха-богача невестой считалась дочь бедняка. Если жених был иг и бой, а невеста была бедная и по своему происхождению „гырнар“, то она стоила еще дешевле. Среди многочисленных статей, по которым устанавливался размер калыма, самое главное значение имело происхождение и экономическое положение сторон.

Размер халат-серпая в XIX в. был незначительным, но в предреволюционные годы обычно колебался от 12 до 32 „букжа“ (дословно: сумка). Каждое букжа состояло из определенного количества отрезков или пар одежды. Размер сөвүш гоюн соответствовал количеству букжа. Сумма, расходовавшаяся для ичидашы, не превышала 10—15 туманов. Кроме этой суммы сюда же входили:

1. Несколько скатертей (сачак), наполненных блинами (челпек).
2. Десяток узлов (или мешочков) со сладостями (сүйжүлик).
3. Десяток различного размера и качества платков (атгулак).

Приданое (шай-сеп) невесты, которое давали родители своей дочери, влияло на размер калыма, особенно в XX в. Размер приданого зависел в основном от экономического положения родителей невесты: у дочери богача имелась большая возможность на большое приданое, чем у дочери бедняка или сироты. Поэтому размер приданого являлся одной из причин более высокой „стоимости“ дочери богача и более низкой—дочери бедняка, хотя главной причиной, заставлявшей неимущего отдавать свою дочь дешевле, являлась нужда.

Необходимо отметить, что в прошлом у туркмен-

текинцев термин „баяпдыр“ (стал богатым, обогатился) служил эквивалентом выражения „родилась дочь“. Вместе с тем существовала и поговорка „Гыз бахасы—сув билен саман (Стоимость невесты—вода и солома)“, это означает, что полученная сумма за невесту быстро расходуется. Обе же поговорки имели в прошлом и некоторый практический смысл. Если под выражением „обогатился“ понимали калым, то во второй поговорке подразумевали в основном приданое, так как в большинстве случаев калым и приданое были почти пропорциональны друг другу. Нам известен случай, когда за дочь от родителей жениха получили 300 туманов, то есть 2500—3000 руб. тогдашними деньгами, а своей дочери дали следующее приданое:

Большой ковёр (улы халы), имеющий 70 „гөлей“ и 7 полосок по краям (еди гыра). Такой ковёр стоил в то время 300 руб. (30—35 туманов). На эту сумму в 1907 г. можно было купить 10—12 коров с телятами; 1 ковёр, называемый „дүйпхалы“ и имевший 30 гөлей, стоимостью в 60 руб.; 1 ковёр — „ожакбашы“, имевший 24 гөля и стоивший 55 руб.; 1 ковёр, называемый „энси“ (занавес для наружной стороны двери), стоимостью в 100 руб.; 1 пара ковровых мешков (халы чувал), стоимостью в 300 руб.; 2 пары ковровых мешков, называемых „халы торба“, стоимостью в 70 руб.; 1 пара ковровых мешков — „гызыл чувал“, стоимостью в 100 руб. Кроме того, купили халат-накидку из бархата (махмал) за 25 руб.; шёлковые халаты, называемые „яшыл күрте“ (10 руб.), „чеппетев чабыт“ (20 руб.), „ала чабыт“ (10 руб.), „шахы чабыт“ (30 руб.); шёлковые платья (кетени көйнек)— 8 штук—100 руб.; 22 шёлковых платка по 15 руб.; 20 штанов (букжа балак) по 10 руб.; 1 пара туфель (гара көвүш), стоимостью в 5 руб. В состав приданого входили также многочисленные серебряные (с позолотой) украшения и т. д. Общая стоимость приданого составляла полторы тысячи рублей, — свыше 150 туманов. За эту сумму можно было приобрести более 100 голов коров с телятами. Данная сумма больше той части калыма, которая была уплачена родителями жениха перед свадьбой. Тем не менее калым разорял неимущих, поэтому многие из бедняков не могли жениться. Дело в том, что часть калыма уплачи-

вадась ещё до свадьбы, а вторую половину родственники жениха должны были отдать перед возвращением невестки из отцовского дома (по обычаю гайтарма) с приданым.

Приданое невесты по шариату не принадлежало жениху. Глава семьи мог реализовать личное имущество своей жены по обычаю „мал шэриги“ (обобществление имущества супружеской пары), однако реализовать его было все же трудно, даже если он в этом крайне нуждался. Продавать приданое молодой жены (гелин) считалось большим позором. Муж мог продать её приданое позднее, но к этому времени часть его изнашивалась и выходила из употребления, а оставшаяся часть в значительной мере теряла свою прежнюю ценность.

Все эти факты свидетельствуют о том, что женитьба и выдача замуж были в одинаковой степени разорительны как для семьи жениха, так и для семьи невесты. Например, один из наших информаторов для того, чтобы совершить помолвку (адаглама) в 1908 г. отдал свой надел земли и воды на 6 лет в аренду и вырученную сумму целиком передал родителям невесты. Несколько лет позже он продал свою дочь за 300 туманов и получил половину её стоимости (150 туманов). Из них он 144 тумана отдал родителям невестки. Затем он привёз невестку в свой дом, где она пробыла четыре недели, а затем вернулась обратно к родным по обычаю гайтарма. Спустя несколько лет, собравшись оплатить оставшуюся половину калыма и выкупить свою невестку, он сильно задолжал несмотря на то, что получил за свою дочь весь калым. Однако окончательно рассчитаться с родными невестки он не мог вплоть до земельно-водной реформы, и это несмотря на то, что впоследствии была продана часть приданого невесты.

После окончания малкесме начиналась подготовка к свадьбе, которая растягивалась на несколько лет. Незадолго до свадьбы близкие родственники жениха (мал гечирижи) приезжали в назначенный „удачный“ день в дом отца невесты и передавали родственникам невесты три перемётные сумки (хоржун). В одной из них был халат-серпай, в другой — серебряные монеты, а в третьей — мешочки со сладостями (сүйжүлик). Во время пере-

дачи этих вещей родственники невесты закрывали дымоход юрты. Этот обычай назывался „серпик япма“. После получения одного тумана родственники невесты открывали дымоход юрты. Плата эта называлась „серпик хақы“. Затем гости просили родственников невесты, чтобы они открыли перемётные сумки. Получив ещё один туман, они выполняли просьбу „мал гечирижи“. После этой церемонии начиналось угощение гостей.

За два-три дня до свадьбы в доме жениха начинали печь особый вид блинов (челпек). Первые два дня пекли их для угощения населения аула. Когда женщины (в юрте) пекли блины, один из собравшихся во дворе мужчин внезапно открывал дверь, подходил быстро к очагу, стремясь схватить руками из котла несколько горячих блинов и убежать на улицу. Женщины, находившиеся у котла, били по рукам таких „налётчиков“ нагретой в горячем масле шумовкой (кепгир). Последний откупался, бросив несколько монет охранявшим котёл. Этот обряд назывался „челпек сырма“.

За день до свадьбы прекращали выдачу блинов мужчинам. Женщины продолжали печь блины и занимались ими несколько скатертей (сачак), которые в день свадьбы передавали родителям невесты. В свою очередь родственники невесты возвращали эти скатерти, наполнив их блинами и варёным мясом (сүңк). Это называлось „сачак гайтарма“. Затем отправляли двух мужчин, которые гнали в дом невесты овец (сөүүш гоюн). Обычно их пригоняли ночью. В доме невесты в это время мужчины резали 5—6 баранов, женщины пекли хлеб, а девушки, окружив невесту, помогали ей мыть голову и наряжаться.

В день свадьбы мужчины (атбашчы) и женщины (гелналыжы) отправлялись за невестой. Женщин сажали на наряженных верблюдов. На верблюдов было навешено четыре вида различного размера бубенцов (дүңк, боюнжаң) на шее, за ушами (чекгежаң) и выше колена передней ноги (дызжаң). Набрасывали на них накидки (дүебашлык), сшитые из квадратов хлопчатобумажной или шёлковой ткани. Если процессия ехала на арбах, то шеи коней украшали погремушками и колокольчиками. Самого лучшего верблюда, наряд ко-

торого особо отличался, ставили в первый ряд. На этом верблюде устанавливался паланкин, имевший форму шалаша (кежебе). По бокам верблюжьего седла прикрепляли два больших ковровых мешка, наполненных кошмами. По внешним краям этих мешков вставляли несколько жердей; объединив их верхние концы в один пучок, эти жерди покрывали красивыми разноцветными тканями. В „кежебе“ помещалось три женщины: невеста и две близкие родственницы жениха.

При приближении свадебного поезда к аулу невесты, в участников процессии бросали землей и тухлыми яйцами. Всадники отвечали на это нападение выстрелами в воздух из огнестрельного оружия. Этот обычай назывался „атбашчы кесеклеме“. После этого родственницы невесты получали платки (атгулак), привезенные стороной жениха. Затем сошедшие с верблюдов или арбы женщины (гелналыжы) направлялись к юрте родителей невесты (невеста в это время сидела в юрте своего дяди по мужской линии). Родственницы невесты преграждали путь „гелналыжы“ в юрту невесты, и лишь получив от них плату в несколько туманов, выпускали их в дом. Эта плата называлась „ишик хагы“ (дословно: плата за дверь).

После угощения гостей родственницы жениха требовали плату за то, что они сидели в доме невесты; им дарили чайники, пиалы и другие подарки, называвшиеся „ер хагы“. Затем начиналась шуточная борьба (далаш) между девушками — подругами невесты и женщинами — родственницами жениха за „овладение“ невестой. В конце концов побеждали женщины и одна из пожилых родственниц невесты брала халат у одного из близких родственников жениха и накидывала его на голову сидящей невесты. Остальные женщины помогали ей преодолеть сопротивление подруг невесты. После этого невесту выносили на паласе к порогу юрты. Родственницы невесты становились на палас и не сходили с него до тех пор, пока не получали денег от дяди жениха по мужской линии или от другого его близкого родственника. Эта плата называлась „палас гран“.

После этого родственницы сажали невесту в кежебе или на арбу, за что опять получали деньги. Как только свадебная процессия трогалась с места, маль-

чишки и юноши-начинали бросать в нее камни. В пути любые встречные имели право задержать верблюда или арбу с невестой и отпускали лишь после получения подарков или денег. Этот обычай назывался „баш тутма“. Впереди свадебного поезда ехали конники, состязаясь между собой в скачках. Всадник, конь которого первым прибывал в дом жениха, получал приз (обычно платок). Такой конник назывался „өңбашчы“.

Прибывшую в дом жениха невесту односельчане не пускали в юрту до тех пор, пока не получали от хозяина свадьбы подарки (ишик тутмак). С прибытием процессии начиналось свадебное пиршество, в котором принимало участие почти всё население аула. На свадьбе устраивалась борьба, скачки, стрельба в цель, различные игры. Победители состязаний получали вознаграждение (байрак). В свадебных состязаниях участвовали только мужчины. Одной из распространенных игр на свадьбах была игра „йүзүк“, или „чеке“. В „йүзүк“ (колечко) играли мужчины, разделившись на две группы. Одна из них садилась в ряд и прятала какой-либо предмет. Другая группа должна была обнаружить спрятанный предмет. На свадьбе всю ночь пели бахши, получая за это вознаграждение не только от хозяина свадьбы, но и от слушателей.

Угощение гостей горячими блюдами и зеленым чаем было неразрывной частью свадебной церемонии.

Бракосочетание (ника гыймак) происходило обычно вечером. В „венчальном“ обряде туркмен-текинцев, наряду с мусульманскими имелись и некоторые пережитки доисламских обычаев, например, обычай „гайчы гайчылдатма“. Во время чтения муллой „венчальной“ молитвы, замужняя сестра жениха становилась позади юрты и „резала“ вхолостую ножницами. Это делалось против „колдовства“ и „сглаза“ молодоженов. После завершения обряда бракосочетания жених заставлял невесту снимать с него сапоги и развязывать кушак (эдик чыкарытма, гушак чездүрме). При этом он наносил невесте удары ногами. „Мужество“ жениха определялось степенью унижений и оскорблений, нанесенных молодой жене в первые дни совместной жизни. Жених старался действовать по принципу: покоряя жену с первого же дня (аялы — башдан, огланы — яшдан).

Он старался заслужить похвалу не только мужчин, но и женщин, наблюдавших за поведением молодожёнов, особенно жениха.

Свадебные церемонии и пиршества являлись наиболее важными актами брачной обрядности.

На третий день после свадьбы совершался обряд одевания женской шапки на голову невесты (баш салма). Женщины стремились надеть на невестку заранее подготовленную для этой цели высокую женскую шапку, а девушки, окружавшие невесту, оказывали им сопротивление. Это полусуточное состязание называлось „далаш“.

Через неделю после свадьбы приезжали близкие родственники невесты и в течение дня развлекали её. После церемониального угощения и выдачи подарков, состоявших из вареного мяса, жареных лепешек, они уезжали в тот же день обратно. Основная их задача была определить день возвращения молодой женщины в отцовский дом по обычаю гайтарма.

По прошествии трёх-четырёх недель близкие родственники жениха (гайтаржы) возвращали невестку в её отцовский дом. Этот обычай являлся, по-видимому, пережитком матрилокального поселения. Гайтаржы привозили с собой скатерти (сачак) с угощением (чапады, гатлаклы). Родители невесты возвращали эти скатерти, наполнив их в свою очередь жареными в масле лепёшками и варёным мясом.

Спустя несколько месяцев после возвращения молодой женщины в отцовский дом, муж со своими товарищами посещал её. Делалось это в ночное время, тайком. В таких случаях муж заранее предупреждал жену, чтобы она тайком вышла к нему на свидание. Жена, как правило, покорно исполняла волю своего мужа. Если кто-либо препятствовал их встрече, то в ряде случаев, на следующую же ночь муж опять появлялся возле дома тестя и причинял ему всевозможные неприятности (резал начатый невестой ковёр, травил посевы её родителей и т. п.).

Пребывание молодой женщины по обычаю гайтарма в отцовском доме иногда длилось до двух-четырёх и больше лет. Невеста находилась в доме отца до тех пор, пока жених не выплачивал полностью калым. Молодую охраняли её отец, братья и другие

родственники, так как присутствие беременной женщины в отцовском доме считалось позором. В случае беременности молодуху иногда отдавали мужу, не дожидаясь погашения оставшейся части калыма. После погашения второй половины калыма и приготовления приданого молодуху возвращали в дом мужа, где она оставалась навсегда. Этот обычай назывался „гелин гайтарма“, а сопровождающие молодухи — её родственницы — назывались „гайтаржы“.

В связи с обрядом гайтарма необходимо заметить, что пережитки матрилокального поселения, существовавшего в далёком прошлом, в условиях классового (патриархально-феодального) общества приобрели новое социальное значение: жена превратилась в живой залог имущества и денег.

Большие расходы, связанные с приобретением жены, зачастую разоряли семьи простых дайхан. Обычай гайтарма был тяжёлым бременем для неимущих. В большинстве случаев муж не имел возможности выкупить свою жену в течение многих лет. Были случаи, когда жена умирала до окончания срока гайтармы, и тогда такой бедняк до конца своей жизни оставался без семьи.

В брачной обрядности туркмен-текинцев существовал целый ряд запретов. Зять избегал, например, родителей своей жены до тех пор, пока не появлялось двое-трое детей. После этого родители его жены давали знать о том, что они хотят повидаться со своим зятем, приурочив это свидание к какому-либо семейному празднеству. Этот обычай назывался „гөрүшме“.

Развод у туркмен-текинцев Мургабского оазиса в XIX—начале XX в. был редким явлением. Одним из веских оснований для развода считалась неуплата полностью калыма. Муж имел право развестись со своей женой, если она не была девственницей. В таком случае на другой день после свадьбы его родственники сообщали об этом отцу жениха, после чего её возвращали в дом отца и брали обратно калым. Однако случаи развода по этой причине были редчайшим явлением.

Формальная сторона развода была проста: муж при свидетелях должен был произнести три раза „сен талак“ (ты свободна). Чаще всего разводились богатые

туркмены-текинцы. Обычно они расторгали брак с первой женой для того, чтобы взять в дом пятую жену, ибо по шариату мусульманин имел право одновременно иметь четыре жены. В таких случаях муж, как правило, оставлял её в доме и заставлял работать, распоряжаясь ею как служанкой или рабыней. Инициатива в разводе не могла исходить от женщины в силу её затворнического положения.

В конце XIX—начале XX в. у мургабских туркмен иногда практиковалось также умыкание невест (алыпгачма). Однако умыкание было связано с большим риском и считалось опасным. Тем не менее были случаи, когда любящие друг друга юноша и девушка, не получив согласия родителей на брак, бежали из аула. Зачастую они прибегали к этому тогда, когда родители девушки не хотели выдавать её за любимого ею юношу, или же у жениха не было средств для выплаты калыма. Умыкание обычно происходило с помощью пожилой, искушённой в житейских делах женщины-посредницы.

Бегство возлюбленных обычно происходило глубокой ночью. Невеста выходила из дома, захватив личное имущество (обычно расчёску, зеркало, нитки, иголки, личную одежду), и шла в назначенное место, где ждал её любимый верхом на коне. После этого они, как правило, укрывались в доме особо уважаемых близких или дальних родственников жениха. Не принять таких „беглецов“ считалось большим позором. Принявший молодых спешил собрать мулл и ишанов и других влиятельных лиц и отправлял их к родителям невесты для примирения. В большинстве случаев родители невесты, поставленные перед свершившимся фактом, смиряться и соглашались получить калым постепенно. Девушка очень редко могла выйти замуж за любимого человека¹, и хотя обычай „алыпгачма“ давал ей такую возможность, не всякая решалась на бегство из отцовского дома.

¹ По преданиям, в старые времена туркмены-текинцы прежде чем выдать девушку замуж, требовали от жениха, чтобы он выкопал красивый земляной очаг (ер ожак). Если очаг нравился невесте, то ее отдавали замуж за него. Этот обычай, возможно, также давал некоторый простор для инициативы женщин.

В заключение следует отметить, что женщина-туркменка была в вопросах брака фактически бесправна. По шариату ей предоставлено право выразить своё „согласие“ на брак через посредников „пыядаказы“. Но ее лишь формально спрашивали о согласии на брак. Фактически же её судьбой распоряжались родители и родственники, стремившиеся продать ее как можно дороже.